

организациями) от имени этой организации и наделенное в этих отношениях внутренними организационно-распорядительными полномочиями и внешними представительскими полномочиями.

Таким образом, главное отличие публичного должностного лица от частного должностного лица, с нашей точки зрения, заключается в том, что первое может занимать должность только в государственной или муниципальной организации и при этом наделяется внешне-властными полномочиями в отношении не подчиненных ему организационно субъектов, а второе может являться руководящим работником и в негосударственной и немunicipальной организации и при этом не наделяется внешне-властными полномочиями в отношении не подчиненных ему организационно субъектов.

Именно такой подход к пониманию должностного лица позволит, по нашему мнению, обеспечить единообразие в законодательном определении места и правового статуса должностного лица как специального субъекта отношений, регулируемых различными отраслями публичного и частного права.

Примечания

1. См., например: *Ямпольская, Ц. А.* О должностном лице в советском государственном аппарате [Текст] / Ц. А. Ямпольская // Вопросы советского административного права. М.; Л., 1949. С. 141; *Петров, Г. И.* Гражданин и должностное лицо в Советском государстве [Текст] / Г. И. Петров // Вест. Ленингр. ун-та. 1971. № 23. С. 126; *Костюков, А. Н.* Правовой статус должностного лица (Административно-правовой аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Костюков. Л., 1988. С. 9.

2. См., например: *Козлов, Ю. М.* Административное право [Текст]: учебник / Ю. М. Козлов. М.: Юрист, 2005. С. 328;

3. См., например: *Стафилов, Ю. Н.* Курс общего административного права [Текст] / Ю. Н. Стафилов. М.: Норма, 2002. Т. 2. С. 103–104.

4. См., в частности: *Кононов, П. И.* Административная ответственность должностных лиц [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. И. Кононов. М., 1994. С. 16.

5. См.: *Стафилов, Ю. Н.* Служебное право [Текст] / Ю. Н. Стафилов. М.: Бек, 1996. С. 379.

6. См.: *Кононов, П. И.* Административное право. Общая часть [Текст]: курс лекций / П. И. Кононов. Киров, 2002. С. 62–63.

И. В. Бердинских

ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основании широкого круга источников исследуются как механизм насильственной депортации целого ряда этносов (российских немцев, прибалтов, народов Кавказа, крымских татар), так и особенности системы спецпоселений на Русском Севере в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Принудительные депортации как мера государственного принуждения применялись советской властью практически с момента ее установления в 1917–1918 гг. Речь идет о политической ссылке, т. е. таких переселениях, при проведении которых превалировали мотивы карательного характера и которые осуществлялись органами государственной безопасности. Основной группой населения, пострадавшей от переселения в 30-е гг. XX в., были крестьяне. Этот период политической ссылки в исторической литературе характеризуют как «кулацкую ссылку». В начале 1940-х гг. основным признаком и критерием депортации населения в Советском Союзе стал этнический.

По сути, спецпереселение – это форма принудительной депортации с применением к раскулаченным ряда правовых ограничений. Формально спецпереселенцы не являлись лишенными свободы, но фактически были репрессированы, поскольку были самым серьезным образом ограничены в своих гражданских, трудовых, семейных правах.

Набор юридических инструментов для реализации принятых политических решений сводился руководством страны к предельному минимуму. Он ограничивался секретными директивами Политбюро (Президиума) ЦК или решениями Центрального Комитета ВКП(б)-КПСС, в соответствии с которыми принимались секретные же указы Президиума Верховного Совета СССР и постановления Правительства – Совета Народных Комиссаров СССР. По такой же схеме осуществлялось (уже в послесталинский период) и освобождение «наказанных» народов.

Впрочем, по отдельным этносам и социальным категориям считалось достаточным просто постановления Совнаркома (Совета Министров) СССР (органа исполнительной власти) или даже решения совершенно неконституционного органа – Государственного Комитета Обороны (июль 1941 г. – сентябрь 1945 г.).

БЕРДИНСКИХ Иван Викторович – аспирант кафедры истории и краеведения ВятГГУ
© Бердинских И. В., 2006

Естественно, и в этих случаях принятию документов предшествовало их обсуждение и одобрение в Политбюро ЦК КПСС. Все это вполне вписывалось в политическую логику тогдашнего руководства страны: в условиях тайны и полной закрытости проведения массовых репрессий «советская законность» не требовалась – даже для камуфляжа.

Главные исполнители акций (НКВД, НКГБ и другие силовые структуры) подчинялись только личной воле диктатора, а оформление этой воли «бумагой» того или иного государственного органа было всего лишь формальностью.

Индивидуальные решения, определяющие судьбы конкретных людей, принимались внесудебными органами с грубыми нарушениями даже формального советского процессуального права.

Важнейшими же звеньями в цепи актов о депортациях и спецпоселениях были не первичные указы Президиума Верховного Совета страны, не изначальные постановления Правительства (Совнаркома, Совета Министров), запускавшие механизм репрессий, а регламентировавшие весь этот процесс (в мельчайших его деталях) ведомственные нормативные документы и прежде всего – приказы, директивы, инструкции и распоряжения НКВД-МВД-МГБ СССР [1].

Главная особенность правовых нормативных документов, принятых в СССР и посвященных положению спецпоселенцев, заключается в том, что право здесь было вторичным: юридическое обоснование депортаций следовало за фактическим применением репрессии. Сначала поляков, крымских татар и прочих из числа «наказанных» народов депортировали – и только впоследствии (через несколько лет) завели на них личные дела...

Характерным примером служит ведомственный акт – приказ НКВД СССР 001158 «О мероприятиях по проведению операции высылки немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» – датирован 27 августа 1941 г.

Под законодательным же документом по этому поводу – Указом Президиума Верховного Совета СССР – стоит дата «28 августа 1941 года». То есть в данном случае (как и во многих других) правоприменительный документ предшествовал правоустанавливающему акту законодательного органа.

Постановление Совнаркома СССР от 8 января 1945 г. № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» наконец-то зафиксировало уже отлаженный в течение 15 лет репрессивный механизм депортационной практики. Существовали, разумеется, документы такого типа и ранее. Но впервые за многие годы это постановление – и то лишь в самой общей форме, без детализации – юридически закрепило реалии спецпоселений. А

ведь по сути этот документ заменял собой соответствующий закон и ограничивал в гражданских правах более 2 000 000 человек, причем список таких ограничений можно было расширять до «неустановленных пределов».

Характерной особенностью политической ссылки середины XX в. является наличие собственной оригинальной системы спецпоселений. Это не были тюрьмы или колонии в полном смысле этого слова, но это были режимные объекты, специально предназначенные для проживания и трудовой деятельности спецпереселенцев. Базовым элементом системы спецпоселений являлся спецпоселок.

Спецпоселками управляли комендатуры ОГПУ (затем – НКВД-МВД-МГБ) во главе с комендантами, обладавшими всей полнотой власти [2]. Если спецпоселенцев отправляли для работы в промышленности (на крупную стройку, на завод, шахту и т. п.), то на соответствующем предприятии учреждался спецпоселенческий отдел, распоряжавшийся этой категорией рабочих. При этом поселенцы оставались приписанными к определенной спецкомендатуре – со всеми вытекающими из этого для них обязанностями.

Почти половину спецпоселенцев в годы войны составляли русские немцы. Между тем Россия очень давно стала их Родиной. Более 100 немецких колоний на нижней Волге было создано во второй половине XVIII в. после известных колониционных манифестов Екатерины II (1762–1763 гг.), приглашавшей иностранцев селиться в России. Значительные поселения немцев возникли на Украине, в Крыму. В Прибалтике и Петербурге немцы жили с еще более давних пор. Компактные или разрозненные группы российских немцев были в большинстве городов России и сыграли в ее экономике, культуре, науке, образовании и государственном управлении весьма существенную и позитивную роль.

Автономная область (трудовая коммуна) Немцев Поволжья образовалась по декрету СНК РСФСР от 19 октября 1918 г. Ее появление вполне укладывалось в провозглашенный Советской властью курс на развитие национальной государственности у народов России. В состав этой области вошли 4 уезда Самарской и Саратовской губерний. В 1922 г. территория ее была увеличена за счет соседних районов, а в 1924 г. статус автономии вырос: она преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья.

По переписи населения СССР 1939 г. в этой АССР проживали 366 685 немцев, составлявших 60,4% населения республики. А в целом по СССР немецкая диаспора была одной из крупнейших и насчитывала 1 427 222 человека. При этом на Украине проживали около 400 тысяч немцев, а в РСФСР – примерно 700 тысяч немцев [3].

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 2060-935 от 12 августа 1941 г. планировалось выселить из Поволжья 480 тысяч немцев. Приказом НКВД от 27 августа 1941 г. определялся порядок депортации, а официально объявлено о выселении Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 г. республика Немцев Поволжья была фактически ликвидирована, а ее территории переданы соседним Саратовской и Сталинградской областям.

Одновременно в сентябре-октябре 1941 г. целая серия однотипных постановлений Государственного комитета обороны о переселении немцев из Ленинграда, Москвы, Ростовской области, Краснодарского края, Северного Кавказа, Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей – и так далее – перевели депортацию российских немцев в направление внутренней политики – тотальное выселение всех граждан СССР немецкой национальности.

Какого-то единого приказа по депортации разом всех российских немцев в СССР не было, что усугубляло неразбериху ситуации и давало некоторой части немцев в годы войны возможность оставаться на свободе. Их брали на учет спецпоселения уже после войны в течение нескольких лет.

Осенью 1941 г. по соответствующему приказу Наркомата обороны из Красной Армии демобилизовали и отправили к родным на спецпоселение всех служивших в армии немцев. К 1945 г. на учете спецпоселения состояли 33 625 демобилизованных немцев. Из них – 1 609 офицеров, 2 492 сержанта и 27 724 рядовых. Большая часть из них попали в 1942–1943 гг. в трудовую армию [4]. Судя по всему, часть погибших от непосильных работ в трудовой армии немцев (в шахтах, лесоповале, строительстве заводов и т. д.) в эту цифру не вошла.

Бюрократически упорядочено управление всеми немцами было лишь в 1944 г. 27 июля 1944 г. замнаркома В. Чернышов и начальник отдела спецпоселений НКВД СССР М. Кузнецов обратились к Л. Берия с предложением «возложить управление немцами на органы спецпоселений НКВД, созданные для управления мобилизованными для работы в угольной, нефтяной и оборонной промышленности, а также на органы НКГБ, работавшие в сфере управления лагерями и стройками НКВД СССР, на оперативно-чекистские отделы НКВД СССР» [5].

На местах работы немцы помещались в специальные зоны, часто за колючей проволокой, нередко в лагерях ГУЛАГа НКВД СССР с вооруженной охраной. Жизнь в бараках, вывод на работу строем и под конвоем, подчиненность НКВД...

По отчету отдела спецпоселений от 5 сентября 1944 г. за время войны выселены целиком следующие народы: немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары – общим числом 1 514 тыс. чел. К 1 октября 1945 г. на спецпоселениях в СССР состоит 2 230 500 чел. [6]

В 1944–1945 гг. спецпереселенцы расселены в 6 союзных, 8 автономных республиках и 27 областях СССР. Больше всего их к 1946 г. в Казахстане (более трети общего числа по стране), Узбекистане (более 81 тыс. чел.), Красноярском крае (более 125 тыс. чел.), Киргизии (более 112 тыс. чел.), Кемеровской обл. (более 97 тыс. чел.), Томской обл. (более 92 тыс. чел.), Свердловской обл. (более 89 тыс. чел.), Алтайском крае (более 85 тыс. чел.), Молотовской обл. (более 84 тыс. чел.). Таковы данные на 1 января 1946 г. Казахстан, Западная Сибирь и Урал – главные регионы приема депортированных.

На 1 октября 1945 г. чуть меньше половины спецпереселенцев трудоустроены – 1 015 800 чел. из 2 230 500 чел. Это связано с тем, что в ссылку в годы войны пошли значительные массы стариков, женщин, детей. Мужское трудоспособное население находится отдельно от семей.

Немногим более половины трудоспособных работают в сельском хозяйстве (594 500 чел.). Несколько менее половины трудоспособных заняты в промышленности (421 300 чел.) [7]. Вспомним, что с Северного Кавказа, Крыма, Калмыкии депортировались, в основном, аграрные народы.

Единственное, что давали спецпереселенцам в достаточном количестве и на всех – это земельные участки и огороды. Чтобы не умереть с голода в годы войны, они пытались выращивать там зерно и овощи.

При переселении многие семьи разрывались. За 1944–1945 гг. на учете в ОСП состояло 31 209 разрозненных семей. По отчету НКВД большинство из них (27 810 семей) удалось воссоединиться.

Оперативная работа тогда велась, в основном, вновь созданными органами НКГБ. Было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 13 061 спецпоселенцев; за побеги – 3 394 чел. (больше всех бежало чеченцев и ингушей); за антисоветскую агитацию – 1 575 чел., за измену и предательство – 818 чел.; за бандитизм – 566 чел. и так далее [8].

Есть немало мировых примеров депортаций или, иначе говоря, принудительных миграций. Достаточно вспомнить о «переселении» негров-рабов из Африки в Южную и Северную Америку, о миллионах людей, угнанных на принудительные работы в фашистскую Германию из оккупированных стран, о кампании «Лицом к деревне» в маоистском Китае. Другое дело, что механизм и способы проведения таких крупно-

масштабных акций везде варьировались – от вполне цивилизованных (выселение японцев из США), с выплатой компенсаций, до антигуманных и варварских по своему исполнению – депортация корейцев японцами. Советский Союз внес свой вклад именно в негативный мировой опыт. В 1930-х – начале 1950-х гг. практика депортаций больших масс людей в СССР превратилась в обычное явление. Массовые выселения стали одним из важных компонентов решения многих задач политического, экономического, социального и межнационального характера. Массовое выселение юридически невиновных людей оправдывалось «государственными интересами» и «интересами трудового народа».

Стремительное свертывание спецпоселенческой системы в 1954–1950 гг. заставляет говорить о ее глубоком кризисе в тот период. Во-первых, закончился период новых депортаций, что связано со смертью руководителя государства – И. Сталина, который, собственно говоря, самовольно инициировал в начале 30-х, а затем постоянно развивал систему политической ссылки в СССР.

Во-вторых, в сложившихся политических условиях было не так просто игнорировать принцип законности и продолжать сохранять фактически режим лишения свободы миллионов людей при отсутствии как судебных приговоров, так и правомерных законодательных решений. Так что почти полное упразднение спецпоселенчества в конце 1950-х гг. означало, помимо всего прочего, приближение советского общества к определенным цивилизационным формам бытия, достигнутому прогрессивным человечеством к середине XX в.

В-третьих, стал совершенно очевиден экономический и демографический ущерб, наносимый государству и обществу институтом политической ссылки.

Этот ущерб во многом не преодолен и до сих пор. На всей территории бывшего Советского Союза в начале 90-х гг. вновь разгорелись межнациональные конфликты, вызванные в том числе и перемещением народов в середине XX в. Достаточно вспомнить череду конфликтов на Северном Кавказе или проблему крымских татар на Украине.

14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». В Декларации говорилось: «...*Верховный Совет СССР безоговорочно осуждает практику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права*».

Таким образом, проводившиеся в период Великой Отечественной войны массовые насильственные переселения людей и неправомерные ограничения их прав и свобод официально признаны преступными.

Примечания

1. Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР [Текст] / В. Н. Земсков // РАН. М.: Наука, 2003. С. 15.
2. Кокурин, А. И. Спецпоселенцы в СССР [Текст] / А. И. Кокурин // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 101.
3. База данных фонда «Мемориал» [Электронный ресурс] // <http://www.memo.ru>
4. Там же.
5. А. Берия – И. Сталину «Согласно вашему указанию...». Документы, факты, комментарии [Текст] / сост. Н. Ф. Бугай. М., 1995. С. 151.
6. База данных «Память о несправедливости» [Электронный ресурс] // <http://www.sakharov-center.ru>
7. Земсков, В. Н. Указ. соч. С. 205.
8. Полян, П. История и география принудительных миграций в СССР [Текст] / П. Полян. М.: Мемориал, 2003. С. 154.

А. А. Калинин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКИ В ГРЕЦИИ в 1942–1944 гг.

В статье рассматриваются деятельность британской и американской разведки в оккупированной Греции, их взаимодействие с движением Сопротивления, исследуется сотрудничество разведок двух стран и появление разногласий.

Военный союз Великобритании и Соединенных Штатов в период Второй мировой войны обусловил начало широкого сотрудничества британских и американских спецслужб. Серией соглашений и договоренностей Великобритания и США были объединены в теснейший разведывательный союз. Однако, как справедливо отмечает специалист по проблеме Дэвид Стаффорд, сотрудничество было отмечено и присутствием немалого недоверия [1]. Британская разведка при поддержке У. Черчилля прилагала все усилия к сохранению гегемонии Британии в таких узловых регионах, как Балканы, Ближний и Средний Восток, Юго-Восточная Азия. В то же время США были намерены этому воспрепятствовать. При этом оба военных лидера (Ф. Рузвельт и У. Черчилль) избегали открытых конфликтов. Пример Греции в этом отношении очень показателен: страна, расположенная на стыке Балканского и Средиземноморского регионов, тра-

КАЛИНИН Александр Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ
© Калинин А. А., 2006